

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК: «ГОРЕ ОТ УМА» В КОНТЕКСТЕ «БОЛЬШОГО ВРЕМЕНИ»

А. С. Кондратьев, П. Д. Анисимов

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 23 октября 2018 г.

Аннотация: в статье предпринята попытка истолкования критических заметок А. И. Солженицына в контексте современной науки, восходящей к духовной традиции отечественной культуры, и с учетом размежевания автора с устоявшимися стереотипами лево-демократического дискурса.

Ключевые слова: А. С. Грибоедов, А. И. Солженицын, понимание, русская классика, национальный характер, духовная деформация, Чацкий, Молчалин, Софья.

Abstract: the article attempts to interpret the critical notes of A. I. Solzhenitsyn in the context of modern science, which goes back to the spiritual tradition of national culture, and taking into account the author's disengagement from the established stereotypes of the left-democratic discourse

Keywords: A. S. Griboyedov, A. I. Solzhenitsyn, understanding, Russian classics, national character, spiritual deformation, Chatsky, Molchalin, Sofia.

Историко-литературные изыскания на современном этапе, сосредоточенные на освоении православного подтекста отечественной словесности и углублении представлений об авторской концепции человека, закономерно выводят исследователей на принципиально новый методологический уровень системно целостного освещения русской классики — понимание художественных произведений, переживших свое время, что существенно отличается от изучения негуманитарного предмета как постижения неисчерпаемого духовного феномена, освобождая пережившие эпоху своего создания тексты от плена «историзма» и «замкнутости» на актуализированных нравственно-социальных доминантах «малого времени»: «Далекий» же контекст понимания разомкнут во времени. В «большом времени» происходит обновление прежних смыслов <...> полнота смыслового явления раскрывается только в «большом времени» <...> литературоведение призвано не только копошиться в «малом времени» <...> Представляется, что это <...> цель для нашей филологической науки» [1, 17–18]. О. А. Бердникова в связи с этим делает акцент на несогласованности литературоведческих координат: «Споры и непонимание в научной среде нередко возникают именно в связи с разностью методологических установок и подходов. Ведь базовые принципы <...> отличны от философских их аналогов, ранее служивших методологическим основанием научного изучения художественного произведения» [2, 6]. Литературоведческая аксиология, наставляющая на выявление православных констант в художе-

ственном мире, а вслед за тем — феномен человека и духовный смысл, воплощенный в поэтике *переменных*, формирует методологическую парадигму, позволяющую преодолеть устоявшиеся стереотипы восприятия материала и вернуть национальному самосознанию отвергнутые прежде или же дискредитированные художественные откровения.

Комедия «Горе от ума» оказалась едва ли не потерянной на исследовательском горизонте и в читательском опыте. А. И. Солженицын еще в статье 1954 г. «Протеревши глаза» предпринял попытку *понимания* духовного смысла произведения в контексте современной литературоведческой аксиологии. Если в Бехтеевском списке действующих лиц комедии о Чацком говорится как о молодом человеке, воспитывавшемся в доме Фамусова и влюбленном в Софью, то А. И. Солженицын в своем опыте понимания человеческих взаимоотношений героев, попросту недоумевает, еще на подступах к реализации своего писательского призвания русского классика: «Чацкий даже для друга своего отца <...> не находит ни единого доброго слова в ответ на его часто добродушное молчание, а то и прямую ласковость» [3, 363]. И. Б. Ничипоров отметил невероятно смелый посыл А. И. Солженицына в плане его расхождения с маститыми авторитетами: «С самого начала <...> отказывается от привычного хода рассмотрения комедии, предполагавшего разговор о социально-политическом противостоянии Чацкого и фамусовской Москвы» [4, 133]. О каком конфликте может идти речь, когда Чацкий в доме Фамусова *свой и желанный*, и не только для Софьи, но и для Павла Афанасьевича, так и не взявшего в толк, почему же тот не при-

нем, как он и представляет своего воспитанника почетному Скалозубу:

Вот-с — Чацкий, мне друга,
Андрея Ильича покойного сынок:
Не служит, то есть в том он пользы не находит,
Но захоти — так был бы деловой [5, 47].

Как же иначе: сваливается утром как снег на голову после трехлетних скитаний, не написав ни строчки, и беспрепятственно входит в дом, да и Софья пытается разобраться в себе, когда рядом с ней оказались Чацкий и Молчалин: «А кем из них я дорожу?» [5, 56], где о нем не забыли и где он все-таки потенциально зять и должный образумиться компаньон, чего и ждет от него отец, покинутый им по какой-то вымороченной прихоти невесты:

Сказал бы я, во-первых: не блажи,
Именьем, брат, не упрекай оплошно,
А, главное, поди-тка послужи [5, 37].

Неожиданно разыгравшийся словесный поединок между своими выявляет их различные точки зрения, которые не могут быть порождены общим кругом общения и домашней атмосферой, с учетом возрастных различий оппонентов. Если Фамусов обращает внимание Чацкого на опыт старшего поколения, то Чацкий самоуверенно парирует: «Где? укажите нам, отечества отцы / Которых мы должны принять за образцы?» [5, 37]. Фамусовское обращение к беспутному воспитаннику *брат* вполне оправдано узами дружбы с его отцом и надеждами на человеческую состоятельность «блудного сына», тогда как явная ирония Чацкого — *отечества отцы* — проводит между ними границу. Чацкий склонен выпячивать свое негативное отношение к «забытым газетам времен Очаковских и покоренья Крыма», славной эпохи величия России и национальной идеи, ибо его влечет пресловутая *свобода*, но от чего и во имя чего, хотя мятежная Европа уже испытала ее влияние сполна. Да и в дом Фамусова, скроенный по московским лекалам, и его окружение проникли невероятные до сей поры суждения и оценки:

Извольте посмотреть на нашу молодежь,
На юношей — сынков и внучат,
Жури мы их, а если разберешь, —
В пятнадцать лет учителей научат!
А наши старички <...>
Засудят об делах, что слово — приговор [5, 46].

Но дом Фамусова стоит на виду всей златоглавой Москвы! А. С. Грибоедов усматривает в таковом самонадеянном искушении *преобразовать* влияние на национальное самосознание европейских ценностей ориентиров, когда русский характер теряет свои корни: «Прислонясь к дереву, я с голосистых певцов невольно свел глаза на самих слушателей — наблюдателей, тот поврежденный класс полуевропейцев <...> Каким черным волшебством сделались мы чужими между своими!» [6, 277]. Деформация духовных доминант национального характера, проявившаяся

в откровенном пренебрежении Чацким другими и самонадеянной уверенности в собственной непогрешимости, а прежде всего — избранности, не ускользнула от проникновенного незашоренного критического взора А. И. Солженицына, ведь если предмет художественной словесности человек — значит, ему и надлежит посвятить себя филологу: «Упоенный собою Чацкий почитает только каменное сердце неспособным увлечься им <...> больше уязвлен не в любви, а в самолюбии» [3; 352, 353]. Глубина проникновения А. И. Солженицына в сердцевину замысла комедии становится более очевидной, если сопоставить его положение о нравственной позиции Чацкого, резко расходящееся с пафосом ее оценок в многочисленных публикациях на злобу дня, с утверждением М. М. Бахтина, посвятившего свое научное творчество освещению *диалога* как феномена национального самосознания: «<...> всюду хочет быть первым. Даже в разговоре ищет первенства, равно спорить, равно разговаривать он не хочет. Чацкий — верхогляд и идеалист, который не может войти в чужую психологию <...> Это отсутствие живого, реального подхода к людям обрекает его на безнадежность» [7, 417]. Налицо близость концептуально-методологических подходов, опередивших свое время корифеев русской мысли. Выявленный А. И. Солженицыным акцент на эгоистических притязаниях Чацкого с целью привлечь внимание окружающих к себе раскрывается М. М. Бахтиным в психологической парадигме как самонадеянное отмежевание молодого человека от других, который самонадеянно помышлял о недостижимом — примирить *европейское* преуспевание в земном с *русским* тяготением к справедливости и благодатному миропорядку, не определяемому категориями права.

Укорененность художественного сознания А. И. Солженицына в духовной традиции дает о себе знать уже в одном из первых критических этюдов о понимании комедии и предопределяет выводы о мятежном порыве Чацкого отрешиться ото всех недостойных его, коль он сетует: «И вот та родина... Нет, в нынешний приезд, / Я вижу, что она мне скоро надоеет» [5, 113], потому как для него нет ничего и никого дорогого — он здесь чужой: «Справедливость для Солженицына есть понятие абсолютное, освещающее все поступки человека и отношение его ко всему в жизни <...> Это трудный путь, потому что постоянно требует от человека какого-то самоотречения» [8, 137], к чему Чацкий не готов, да и не считает достойным себя понимать других: «Что я, Молчалина глупее?» [5, 29].

Вступая на защиту Софьи, А. И. Солженицын завершает понимание развязки любовной коллизии, объясняя замену речистого и остроумного Чацкого спокойным и рассудительным Молчалиным. Софья видит в Чацком, одержимом манией миссионерства, неспособного «семейство осчастливить» и потому

выговаривает ему, хотя и обмолвилась, что «все малейшее» ее в других тревожит:

Да, правда, не свои беды для вас забавы,
Отец родной убейся, все равно [5, 52]

Молчалин, даже принимающий, как оказалось, вид усталого любовника, для нее явно не таков:

<...> за других себя забыть готов,
Браг дерзости, — всегда застенчиво, несмело,
Ночь целую с кем можно так провести! [5,24]

А. И. Солженицын выделяет Софью из затронутой праздностью и пустомыслием молодежи: «<...> не сходя с девушками ее круга <...> самостоятельная и самобытная в решениях, твердая в проведении их, молчаливо-внимательно глядящая на мир и снисходительная к слабостям окружающих <...> обманутая двумя женихами и обиженная даже автором, которому так немного оставалось, чтобы приоткрыть нам ее внутренний свет, сделать одной из любимейших героинь русской литературы» [3, 356–357].

Прочитывая «Горе от ума» в контексте «большого времени», А. И. Солженицын размежевался со сторонниками привязки персонажа к обоснованиям конкретной исторической задачи «бури и натиска», а выделил в образе Чацкого трагическую перспективу деформации духовных доминант православного сознания русского народа: «Грибоедов <...> представил нам тип с самым широким будущим в России <...> Через полстолетия после пьесы Чацкие и Репетиловы заполнят интеллигентские революционные кружки, через столетие — возьмут власть в России» [3, 365]. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголь писал: «Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже освятить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь» [9, 118–119]. Таким образом, критический опыт понимания коме-

дии А. С. Грибоедова «Горе от ума» А. И. Солженицыным, предвосхитившим движение научной мысли, является своеобразным предисловием к *новому пониманию* русской классики, чему и посвящены труды И. А. Есаулова, определяющего вектор развития не только филологии, но и культурологии, сохраняющие национальную идентичность в сложных современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание / И. А. Есаулов. — 3-е изд. — СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2017. — 550 с.
2. Бердникова О. А. Духовные проблемы русской литературы XX века: уч. пособие / О. А. Бердникова. — Ч. 1. — Воронеж: ИД ВГУ, 2016. — 152 с.
3. Солженицын А. И. Протеревши глаза («Горе от ума» глазами ээка) // Солженицын А. И. Протеревши глаза. — М.: Наш дом — L'Age d'Homme, 1999. — С. 344–365.
4. Ничипоров И. Б. «Горе от ума» глазами ээка: Александр Солженицын о комедии А. С. Грибоедова / И. Б. Ничипоров // А. И. Солженицын и русская культура: науч. доклады. — Саратов: Изд-во Саратов. унта, 2004. — С. 132–139.
5. Грибоедов А. С. Горе от ума / А. С. Грибоедов // Полн. собр. соч.: в 3 т. Т. 1. — СПб.: Нотабене, 1995. — С. 9–122.
6. Грибоедов А. С. Загородная поездка (Отрывок из письма южного жителя) / А. С. Грибоедов // Полн. собр. соч.: в 3 т. — Т. 2. — СПб.: Нотабене, 1999. — С. 275–279.
7. Бахтин М. М. Записи курса лекций по истории русской литературы, 1922–1927 / М. М. Бахтин // Собрание сочинений: в 7 т. — Т. 2. — М.: Русские словари, 2000. — С. 213–426.
8. Лопухина-Родзянко Т. А. Духовные основы творчества И. А. Солженицына / Т. А. Лопухина-Родзянко. — Frankfurt a|М.: Посев, 1974. — 182 с.
9. Гоголь Н. В. Духовная проза / Н. В. Гоголь. — М.: Русская книга, 1992. — 560 с.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семёнова-Тянь-Шанского

Кондратьев А. С., доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: sir.kondratiev2016@yandex.ru

Анисимов П. Д., студент института филологии

E-mail: poul.anisimov@yandex.ru

*Lipetsk Semenov-Tyan-Shan State Pedagogical University
Kondratiev A. S., Associate Professor of the Russian Language
and Literature Department*

E-mail: sir.kondratiev2016@yandex.ru

Anisimov P. D., student of the Institute of Philology